

Методология и логика социологического исследования.

Совершенно очевидно, что достоверность фактов и выводов, полученных исследователем, зависит от того, каким способом последний пришел к данным фактам и выводам, то есть от использованного им метода. В повседневной жизни мы также описываем факты, оцениваем их правдоподобие, выводим гипотетические закономерности или опровергаем выводы других людей. Однако в науке все эти повседневные методы получения нового знания подвергаются куда более тщательной разработке. В повседневной жизни, например, мы легко используем понятия «всегда», «никогда» или «очень часто», но такого рода оценки остаются субъективными и относительными, пока они полностью зависят от того, кто оценивает и какие события подвергаются оценке. Частота «один случай из двадцати» будет оцениваться как «очень часто», если речь идет о неудачных исходах хирургической операции (особенно если оценку производит пациент), и как «почти никогда», если эта частота соответствует шансам конкретного абитуриента поступить в университет. Чтобы сделать такого рода оценки более сравнимыми и объективными, в науке используются статистические критерии и методы статистического оценивания, позволяющие судить о вероятности реализации определенного события, о сугубо случайном или, наоборот, закономерном характере полученного результата (хотя, как мы увидим в дальнейшем, статистическая значимость научного факта не обязательно свидетельствует о его социальной и личностной значимости). Современная наука — это коллективное предприятие, требующее к тому же немалых затрат. В силу этих обстоятельств, а также в силу присущих человеку стремления к истине (даже несовершенной и подверженной постоянным пересмотрам) и способности к критической оценке существующие точки зрения (большей или меньшей, но в общем поддающейся тренировке) проблема «Научного Метода», позволяющего получить достоверные и надежные результаты и на их основе прийти к объективным и хорошо обоснованным выводам, неизменно пользуется вниманием ученых. Хотя по мере развития науки у ученых оставалось все меньше оснований верить в существование единого и универсального «Метода», пригодного для решения всех без исключения научных задач, они тем не менее стремились разработать все более точные и надежные методы опытной проверки теоретических гипотез, а также определить критерии для оценки объективности и обоснованности нового знания, получаемого в результате проводимых ими исследований. Методология науки — это дисциплина, изучающая и технические, «процедурные» вопросы организации исследования, и более общие вопросы обоснованности используемых методов, достоверности наблюдений, критериев подтверждения или опровержения научных теорий. Такая «всеядность» методологии связана с тем, что большинство сугубо технических вопросов, возникающих в реальной исследовательской практике, не могут быть решены без обращения к более широким представлениям о том, что в данном случае может служить критерием истинности или обоснованности, какие факты следует считать релевантными, то есть относящимися к проверяемой теории, а какие — случайными ошибками наблюдения и т. п. С другой

стороны, непосредственным источником самих нормативных стандартов и критериев, используемых при оценке исследовательских процедур и результатов, служат не только абстрактные и универсальные конструкции формальной логики, но и реальная, «ситуативная» логика конкретного исследования, принимающая во внимание его цели, происхождение стоящей перед исследователем научной проблемы (теоретическое затруднение, практическая задача), доступные теоретические и технические ресурсы и, наконец, научный «фон» исследования — ту теоретическую перспективу, или, если воспользоваться популярным обозначением, исследовательскую программу, в рамках которой и замысел, и методика, и результаты исследования приобретают свой подлинный смысл. Чтобы понять смысл и результаты, например, экспериментов физика А. Майкельсона по измерению относительной скорости света (вдоль и поперек потока «эфирного ветра»), нужно представлять себе суть спора между сторонниками различных теорий «светоносного эфира» и сторонниками теории относительности Эйнштейна¹. Интересно отметить, что такое понимание не всегда доступно самому исследователю в момент осуществления исследования. Так, Майкельсон до опубликования основных положений теории относительности Эйнштейна, породившей абсолютно новую исследовательскую программу, воспринимал свои опыты не как решающее опровержение теории эфира, а скорее как подтверждение того, что при движении Земли в эфире не возникает так называемый «эфирный ветер» (либо, если возникает, то очень маленький). Подробнее см.: Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Московский философский фонд «Медиум», 1995. Точно так же трудно оценить процедуру и результаты эксперимента, в котором психолог сначала помещает крыс в лабиринт, оставляя их там на некоторое время, а потом, установив в конце лабиринта кормушку с приманкой, измеряет с помощью секундомера время, затраченное крысами на прохождение лабиринта. Чтобы понять методику последнего эксперимента, следует представлять себе основные положения исследовательской программы бихевиоризма, весьма влиятельного направления в науках о поведении. (Только что описанный эксперимент. Данный эксперимент представляет собой упрощенную версию экспериментов, реально проводившихся психологом Э. Толменом. в частности, играет важную роль в споре о том, способны ли внутренние образы окружения, «когнитивные карты», оказывать реальное влияние на скорость выработки поведенческих навыков у животных. Для человека, не имеющего представления об этом споре, предварительное помещение крыс в лабиринт выглядит ничего не значащим фактом или, в худшем случае, методическим промахом экспериментатора; для сторонника же бихевиористской исследовательской программы — это логически необходимое условие для любых выводов относительно влияния предварительной ориентировки на обучение.) До недавнего времени в философии и методологии науки господствовал упрощенный взгляд на логику и процедуру научного исследования, который можно обозначить как «традиционный образ науки». Этот взгляд игнорировал только что описанные сложные взаимосвязи между самыми общими/философскими и теоретическими представлениями, входящими в определенную исследовательскую программу, и более частными предположениями, из которых явно или неявно исходит ученый, планирующий конкретное исследование.

«Традиционный образ науки» представлял процесс исследования как простую линейную последовательность: проверяемая общая теория, —> из которой выводится основная теоретическая гипотеза, —> определение основных теоретических понятий в терминах конкретных измерительных операций, .то есть их операционализация, —> решающий эксперимент, ведущий к —> однозначному принятию или отвержению гипотезы, а заодно и общей теории, из которой гипотеза была выведена.

Предполагалось, что отрицательный результат «решающего эксперимента», то есть эмпирическая демонстрация ложности предсказаний, выведенных путем логической дедукции из теоретических предпосылок, свидетельствует о ложности этих предпосылок. На практике, однако, всегда можно приписать «неудачное» наблюдение либо неучтенным особенностям исходных условий конкретного эксперимента, либо ложности множества вспомогательных гипотез и предположений, используемых при проверке основной теоретической гипотезы. Так, в частности, негативный результат всегда может быть приписан не проверяемой гипотезе, а артефактам используемого метода или погрешностям в операционализации и измерении отдельных показателей. Кроме того, в теоретическую гипотезу, вспомогательные предположения или, наконец, в самые общие теоретические предпосылки исследовательской программы, включающей в себя спорную теорию, почти всегда можно внести разного рода небольшие поправки или дополнения (так негативный результат упоминавшихся выше опытов Майкельсона с измерением «эфирного ветра» поначалу объяснялся тем, что движение эфира непосредственно у поверхности Земли столь незначительно, что использованная в опыте аппаратура не обладала достаточной точностью для его фиксации). Иными словами, «решающие эксперименты» чрезвычайно редки даже в точных науках: влиятельная и пользующаяся поддержкой многих ученых теория имеет большие шансы устоять даже при наличии нескольких контрпримеров — до тех пор, пока более широкая исследовательская программа, в которую включена теория, не уступит место новой, более плодотворной и привлекательной. Кроме того, «традиционный образ науки» игнорировал то обстоятельство, что далеко не всегда исходной точкой исследовательского процесса служит вполне сложившаяся абстрактная теория. Источником исследовательских гипотез и в социальных науках, и, например, в биохимии или физике часто становится случайное наблюдение, личный «внеаучный» опыт ученого, неожиданные результаты, полученные при использовании новой методики или технического прибора. В попытках объяснить необычный факт исследователь формулирует пробные теоретические предположения, которые пока не могут быть привязаны ни к какой из существующих абстрактных теорий (и тем более не могут быть выведены из нее дедуктивно). Некоторые из возникших таким образом догадок повышают «теоретическую чувствительность» исследователя и ведут к формулировке новых рабочих гипотез, введению новых описательных понятий или даже, в конечном счете, к возникновению новых исследовательских программ. (Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977). Так, например, непосредственно в процессе включенного наблюдения за взаимодействием членов некоторой организации, проводимого социологом, у последнего могут возникнуть весьма полезные догадки, касающиеся существующей в этой организации статусной иерархии. Важно помнить, что

за подобными догадками стоит не столько мистическая интуиция или «внутреннее знание», сколько целая система «обыденных социологических теорий», на которой основывают свои повседневные решения и интерпретации и профессиональные социологи, и обычные люди. «Обыденные теории», подобно научным, вполне могут оказаться как полезными, так и бесполезными, как верными, так и ошибочными — поэтому они также нуждаются в формализации, операционализации и проверке. Таким образом, налицо значительное несоответствие между вышеописанным «традиционным образом науки» и реальной логикой исследования. Это несоответствие становится особенно очевидным, когда мы обращаемся к области социальных наук: 1) где существует сравнительно мало развитых формальных теорий, из которых можно было бы строгим образом вывести проверяемые гипотезы, а для каждой из таких гипотез уже в момент ее выдвижения можно найти множество контрпримеров; 2) где возможности экспериментального метода заведомо ограничены, а имеющиеся данные о естественно случающихся событиях либо о результатах специальных опросов редко позволяют разделить главные и побочные эффекты; 3) где, наконец, одновременно существует несколько очень влиятельных исследовательских программ (например, бихевиористская, интерпретативная и структуралистская), каждая из которых обладает собственным набором методологических норм, излюбленных исследовательских техник и образцовых теоретических интерпретаций. Воспользуемся наглядным примером, взятым из области социальных наук. В социальной психологии, социологии и экономике существуют довольно убедительные теории, относящиеся к единой исследовательской программе и описывающие поведение человека как эгоистическое, направленное на достижение максимального удовлетворения потребностей индивида. С точки зрения этих теорий, в частности, даже самые идеальные мотивы скрывают за собой рациональный расчет, направленный на увеличение личных «активов», в том числе материальных благ, социального престижа, политического влияния. Самым рациональным, таким образом, будет поведение, которое позволяет максимизировать доступные индивиду блага — материальные и нематериальные — для данного набора индивидуальных возможностей, то есть ресурсов, которыми этот индивид располагает. Соответственно, деятельность ученого, проводящего трудоемкие изыскания без какой-либо материальной поддержки, или поступок филантропа, жертвующего деньгами на благотворительность, также рассматриваются с точки зрения скрытых вознаграждений, удовлетворяющих эгоистические потребности: ученый рассчитывает завоевать признание коллег, получить хорошо оплачиваемую работу в престижном университете; филантроп заинтересован в удовлетворении собственного тщеславия и создании благоприятного общественного мнения о себе. В конкретном исследовании данная исследовательская программа (назовем ее «концепцией экономического человека») принимает форму гипотез, описывающих ожидаемое поведение людей в ситуациях определенного типа (например, «если в ситуации B для достижения максимального вознаграждения A нужно сделать B, то испытуемый X сделает B»). Получаемые в результате исследования данные могут соответствовать либо не соответствовать тому, что предсказывает гипотеза. Следовательно, результаты будут рассматриваться как подтверждающие или не подтверждающие выдвинутую первоначально гипотезу. Всякое удачное предсказание будет вести к относительному подтверждению гипотезы (для данного типа ситуаций). Интереснее, однако, то, что происходит, когда теоретические предсказания не сбываются или сталкиваются с

контрпримерами. Полезно различать негативный результат исследования, специально предназначенного для проверки предсказаний теории, и контрпример — наблюдение или исследовательский результат, который противники научной теории предлагают в качестве критического, предположительно не имеющего объяснения с точки зрения этой теории (то есть контрпример — это такой факт, для которого из теории не удастся дедуктивно вывести гипотезу, его предсказывающую). «Концепция экономического человека», в частности, сталкивается с трудностями, если требуется предсказать поведение в ситуациях неопределенности, когда выбор основан на недостаточной информации и окончательная «цена» того или иного решения в принципе не может быть определена заранее. В таких ситуациях самой разумной с точки зрения «экономического» подхода стратегией обычно является случайное угадывание. Однако эксперименты и наблюдения за поведением отдельных людей или групп показывают, что они практически никогда не основывают свой выбор на простом подбрасывании монетки. Напротив, они всячески стремятся обосновать свой выбор и придумать какую-то «стратегию принятия решений», исходя при этом из ложных или заведомо непроверяемых представлений. Еще сложнее сторонникам описанного подхода справиться с другого рода контрпримерами, демонстрирующими слепое подчинение разума вполне неразумным целям либо рациональное стремление увеличить или уменьшить не собственное, а чье-либо еще благо. Человек, совершающий самоубийство, вполне способен осуществить задуманное самым экономичным и рациональным способом. Возможно, конечно, утверждать, что при этом он достигает максимального блага, или, если воспользоваться специальным жаргоном, реализует свое «наибольшее предпочтение», но в таком случае нам придется признать свою неспособность дать независимое определение того, что следует считать «разумным желанием» — рациональной будет выглядеть любая цель, мотивирующая реальное поведение. Более того, так как люди часто стремятся представить любые свои поступки в качестве разумных, «рационализировать» Их, то нам будет весьма трудно отличить истинно расчетливые поступки от «рационализации», изобретаемых для оправдания уже свершенного. Трудности в определении ключевых понятий приведут к трудностям в их операционализации, и в результате эмпирическое подтверждение или отвержение отдельных гипотез, выводимых из «концепции экономического человека», будет полностью зависеть от используемых показателей или методов измерения рациональности поступков. Кроме того, результат, противоречащий теоретическим предсказаниям, всегда может быть отнесен на счет несовершенства этих методов. Существуют и такие контрпримеры, которым обсуждаемая концепция (являющаяся, напомним, не отдельной теорией, а обширной исследовательской программой) не может дать сколько-нибудь удовлетворительного объяснения. Так, иногда люди совершают добрые поступки анонимно (вносят благотворительные пожертвования, возвращают потерянные кошельки и т. п.). Ученый из вышеприведенного примера может тратить значительные силы не на собственные труды, а на то, чтобы любой ценой воспрепятствовать публикации трудов коллеги. «Концепция экономического человека» может многое объяснить в том, как люди расчетливо используют наличные средства для достижения максимально возможного счастья (так определял рациональное поведение Гоббс), но она малопригодна для объяснения того, как человек может руководствоваться стремлением к счастью или несчастью другого человека⁸. 8

Заметим, не вдаваясь в детали, что выход из такого теоретического тупика можно найти

в принятии базисных предположений других исследовательских программ, например психоаналитической, но за это обычно приходится платить отказом от собственных базисных предположений. Такая «ограниченная подтверждаемость» (обратной стороной которой является «ограниченная опровергаемость») скорее типична для социальных наук. Сильная взаимосвязь между теорией, методом и получаемыми «на выходе» эмпирическими данными, характерная для реальной логики всякого научного исследования, здесь становится еще более очевидной в силу наличия конкурирующих теоретических перспектив, каждая из которых располагает большим количеством контрпримеров, ставящих под сомнение базисные предположения остальных. Так, например, холистские исследовательские программы, объясняющие поведение отдельных действующих надындивидуальными, структурными факторами, противостоят индивидуалистским программам, сводящим любое социальное целое к мотивам и поступкам отдельных людей. Приведенный пример показывает, что чрезмерно упрощенный «традиционный образ науки» и основанные на нем методологические рекомендации едва ли могут оказаться полезными при разработке и оценке исследовательских методов для социальных наук. Это, однако, не означает, что нам следует отказаться от разработки критериев рационального и объективного научного исследования, основанных на более адекватном представлении о научной практике. Во-первых, всякое исследование в социальных науках направлено на поиски объяснения человеческого поведения и, следовательно, ориентировано на поиск некоторой гипотетической закономерности, обладающей большей или меньшей степенью общности, но всегда требующей эмпирического подтверждения и критического сопоставления с другими альтернативными гипотезами. Источником таких гипотез, как мы уже видели, могут быть и сложившиеся научные концепции, и — реже — «обыденные теории». Далее, возможность объяснения и предсказания в общественных науках основана на признании причинной обусловленности объясняемых событий. Даже объясняя поведение людей их целями, представлениями и убеждениями, социолог стремится продемонстрировать работу некоторого причинного механизма, обеспечивающего взаимосвязь целей и идей (рациональных или иррациональных, истинных или ложных) с поведением. Изучение чисто логических отношений согласованности между целями и средствами деятельности, элементами системы верований или, например, брачными правилами, существующими, в некотором сообществе, само по себе еще не позволяет объяснить, почему произошли или не произошли некоторые события. Логические отношения между идеями или высказываниями (отношения импликации) позволяют осуществлять логический вывод — от одного формально истинного высказывания к другому, но не позволяют предположить, что произойдет (или произошло) в действительности. Из совокупности высказываний можно логически вывести лишь другую совокупность высказываний. (Человек, логично рассуждающий о преимуществах любви к ближнему, как известно, не обязательно следует собственным рассуждениям на практике¹⁰.)¹⁰ Впрочем, для всякого «проступка» обычно находится другое объяснение. Поэтому, вопреки рецептам некоторых сторонников «гуманистической модели» социальных наук, социологи не ограничиваются интерпретацией того, что люди говорят, либо того, во что они верят. Оценка существующих теорий и гипотез в социальных науках, как и в науках естественных, предполагает введение определенных критериев эмпирической проверяемости и истинности теоретических высказываний, а также разработку и применение соответствующих этим критериям методов

исследования. Таким образом, процесс социологического исследования неизбежно включает в себя: 1) стадию осознания теоретической или практической недостаточности существующего знания (источники такого осознания, как говорилось выше, могут лежать и в области теории, и в области повседневного опыта или социальной практики); 2) стадию формулировки проблемы и выдвижения гипотетического объяснения, а также 3) стадию эмпирической проверки сформулированной гипотезы, за которой нередко следует 4) стадия переопределения и уточнения проблемы или гипотезы, дающая начало новому исследовательскому циклу. Разнообразие существующих в социологии исследовательских программ, а также реальных контекстов исследования, то есть теоретических и практических целей исследования, возможностей, которыми располагает исследователь, а также возникающих в исследовательской практике технических и этических ограничений, ведет к тому, что конкретные реализации описанного процесса исследования могут существенно различаться. Ведущие методы социологического исследования и представляют собой такие конкретные реализации, или стратегии, процесса социологического исследования.